

Анна Манойленко, Юрий Манойленко

Фортуна мичмана В. И. Даля

ОБ ОДНОМ ЮНОШЕСКОМ ОПУСЕ ИЗВЕСТНОГО
ЛЕКСИКОГРАФА И ЕГО ДОЛГОСРОЧНЫХ
ПОСЛЕДСТВИЯХ

Anna Manoylenko, Yuriy Manoylenko

The Fortune of Warrant Officer V.I. Dahl. About One Youthful Opus of the Famous Lexicographer and Its Long-Term Consequences

Анна Манойленко (независимый исследователь; магистр социально-экономического образования) anetkir@rambler.ru.

Юрий Манойленко (независимый исследователь; кандидат исторических наук) historic2009@mail.ru.

Ключевые слова: флот, пасквиль, адмирал, мичман, суд, служба, штраф, формулярный список, апелляция, выслуга

УДК: 94(470+571)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_190

В статье на основе широкого круга документальных источников рассматривается эпизод, связанный с сочинением пасквиля на гражданскую жену вице-адмирала А.С. Грейга, имевший место в период офицерской службы В.И. Даля на Черноморском флоте. Впервые анализируется и оценивается влияние этого события на судьбу известного лексикографа, жизненную стратегию, поступки и служебную карьеру. Этот подход позволяет осветить ранее ускользавшие из поля зрения литературоведов детали и объяснить мотивы поведения Даля в различные периоды жизни. Доказывается несостоятельность апологетических версий данного события, весьма распространенных в отечественном литературоведении и публицистике.

Anna Manoylenko (Independent Researcher; Master in Socio-Economic Education) anetkir@rambler.ru.

Yuriy Manoylenko (Independent Researcher; PhD in History) historic2009@mail.ru.

Key words: fleet, lampoon, admiral, warrant officer, court, service, punishment, formulary list, appeal, length of service

UDC: 94(470+571)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_190

Based on a wide range of documentary sources, the article examines an episode related to writing a lampoon on the common-law wife of Vice Admiral A.S. Greig, which took place during the officer service of V.I. Dahl in the Black Sea Fleet. For the first time, the influence of this event on the fate of the famous lexicographer, life strategy, actions and career are analyzed and evaluated. This approach makes it possible to shed light on details that had previously escaped the field of view of literary critics and to explain the motives of Dahl's behavior in various periods of life. The inconsistency of apologetic versions of this event is proved.

В 2023 году исполнилось 200 лет с момента конфликта будущего автора «Толкового словаря живого великорусского языка» с адмиралом А.С. Грейгом. Этот скандал произошел в период офицерской службы В.И. Даля на Черноморском флоте. В отечественном литературоведении сложилась двоякая ситуация с освещением этого события. С одной стороны, оно достаточно широко известно, с другой — вокруг него сформировалось значительное количество штампов и стереотипов. По традиции, заложенной первым биографом Даля П.И. Мельниковым-Печерским, о «пасквильной» истории, как правило, пишут с оттенком сочувствия будущему лексикографу и находят различного рода оправдания этому «случайному юношескому проступку» [Бессараб 1968: 42—

44; Глазунова 1997: 128—129; Грачев 2013: 170, 172—174; Золотухин 2005: 6—19; Костинский 2000: 91; Матвиевская, Зубова 2002: 17; Модестов 1913: 8—9; Порудоминский 1971: 55—59; Седов 2000: 16—18; Сенча 2020: 59—62; Шигин 2013: 141—153]. При этом истинное влияние данного эпизода на последующую жизнь и служебную карьеру Даля недооценивается, что во многом связано с нежеланием исследователей углубляться в те детали конфликта, которые характеризуют «великого подвижника русской речи» с невыгодной стороны. Как правило, ситуация упрощается до архетипической схемы «выдающийся человек — жертва произвола начальства», а попытки интерпретировать произошедшее в контексте дальнейшей государственной службы лексикографа не предпринимаются.

Настоящая статья является первым опытом аналитического комплексного подхода к инциденту с пасквилем, который будет рассмотрен во всей полноте, без умолчания и ретуши нелицеприятных моментов, с целью определения его подлинного значения в биографии Даля. Основой исследования станут архивные документы, письма и воспоминания, позволяющие по-новому взглянуть на события двухвековой давности. Мы продемонстрируем, каким образом какие реальные общественные отношения и конфликты стояли за апологетическими повествованиями о судьбе писателя, характерными для позднейших работ.

Пасквиль и суд

В ночь с 19 на 20 апреля 1823 года в Николаеве, где находилось Управление Черноморского флота Российской империи, были расклеены небольшие («четвертные») листы, содержащие рифмованное сочинение под заголовком «С дозволения начальства»:

Профессор Мараки сим объявляет,
 Что он бесподобный содержит трактир;
 При чем всепокорнейше напоминает
 Он сброду, носящему флотский мундир,
 Что теща его есть давно уж подруга
 Той польки, что годика три назад
 Приехала, взявши какой-то подряд;
 За чем он советует жителям Буга
 Как можно почаще его навещать,
 Иначе (он всем, что есть свято, клянется)
 Подрядчица скоро до всех доберется!¹

Для небольшого города, каковым был Николаев, личность «подрядчицы» являлась секретом Полишинеля. Под ней разумелась гражданская супруга глав-

1 Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 67. «Профессор Мараки», от имени которого был составлен пасквиль, в действительности являлся учителем итальянского языка Черноморского штурманского училища в Николаеве губернским секретарем А. Мараки. Будучи допрошенным Комиссией военного суда в мае 1823 года, он показал: «Пасквилей никаких я не сочинял и не подписывал, и кем то учинено, мне вовсе неизвестно» (Там же. Л. 26).

ного командира Черноморского флота вице-адмирала Грейга Юлия (Лия) Кучковская (в девичестве Сталинская). Судьба этой женщины сложилась удивительным для первой половины XIX века образом. Дочь еврейского трактирщика из Могилева, в 20-летнем возрасте она приехала в Николаев с намерением заняться поставками корабельного леса. Добившись личного приема у командующего флотом, Ю.М. Кучковская сумела занять место в сердце адмирала и на четверть века стала его спутницей жизни (сначала гражданской, а с 1824 года — и «венчанной»)².

Молодая энергичная женщина с сильным характером вызывала раздражение у консервативной части «благородного общества», что не помешало ей стать яркой фигурой городской жизни. В адмиральском доме она устроила светский салон, который, наряду со многими моряками и чиновниками, посещал мичман Владимир Даль.

К этому моменту он уже четыре года являлся кадровым офицером 28-го экипажа Черноморского флота, в который был направлен после окончания Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Отец Владимира Даля Иван Матвеевич в течение 16 лет (1805—1821) занимал должность главного доктора и инспектора Черноморского флота и постоянно пересекался по службе с Грейгом. Незадолго до смерти медика командующий аттестовал его «к продолжению службы весьма способным и к повышению чина достойным»³, а сам Иван Матвеевич, по свидетельству его вдовы, считал себя другом Грейга⁴.

Вице-адмирал хорошо знал семью И.М. Даля и проявлял к ней дружеское расположение, несомненно повлиявшее на то, что сыновья доктора, Владимир и Карл, по окончании профессиональной подготовки получили назначение мичманами возглавляемого им флота. После смерти отца семейства Грейг своим приказом сохранил за Далями занимаемый ими казенный дом и оставил в распоряжении вдовы денщика, ранее состоявшего при ее муже, за что она благодарила командующего личным письмом, написанным при отъезде из Николаева в Дерпт 1 марта 1825 года⁵.

Изначально каких-либо предубеждений и «пристрастий» против семьи Далей, как утверждают некоторые исследователи [Золотухин 2005: 13], командующий Черноморским флотом не имел: дела обстояли прямо противоположным образом. Документы свидетельствуют, что спустя несколько недель после смерти доктора И.М. Даля адмирал Грейг лично ходатайствовал перед морским министром И.И. де Траверсе о переводе его старшего сына Владимира на службу в Главное управление путей сообщения, мотивируя подобную необходимость тем, что «это прелестный молодой человек, который только и повторяет, что его здоровье не позволяет ему продолжать морскую службу, так

2 РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 3. Л. 1 — 1 об. До встречи с Грейгом Сталинская была замужем за польским офицером Кучковским, однако затем развелась с ним, сохранив фамилию. В недавно вышедшей монографии об адмирале справедливо отмечается, что к узаконению отношений гражданских супругов могли подтолкнуть именно распространившиеся по Николаеву «стихотворения», поскольку «дальнейшее пребывание будущей жены А.С. Грейга в статусе экономки порождало массу кривотолков и насмешек в обществе» [Христенко 2021: 492].

3 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241. Л. 28.

4 РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 273. Л. 2 об.

5 Там же. Л. 7.

как он не в силах преодолеть болезнь, причиняемую ему непогодой»⁶. С Карлом Далем Грейг занимался астрономическими наблюдениями, разрабатывал проект создания в Николаеве морской обсерватории и даже публиковал совместные научные труды [Крючков 1984: 26].

В Николаеве мичман Даль успел приобрести репутацию «сочинителя». Он написал здесь несколько комедий, две из которых («Невеста в мешке, или Билет в Казань» и «Медведь в маскараде») были поставлены на местной сцене [Золотухин 1989: 59; Юган 2011: 13]. Вокруг него сложился литературный кружок, в который входили моряки Е.П. Зайцевский, П.И. Скарабелли, А.И., В.И., Г.И. и Н.И. Рогули, астроном К.Х. Кнорре, писательница А.П. Зонтаг. Даль был молод, честолюбив, отличался остроумием и считал нужным откликаться на общественно значимые события и явления.

Распространение пасквиля на гражданскую жену командующего (а за некоторое время до этого — «подметных писем», которыми «поносима была благородная публика города Николаева»⁷), дало сильные основания подозревать «сочинителя» в причастности к их появлению⁸.

По распоряжению Грейга николаевский полицмейстер П.И. Федоров произвел в доме мичмана обыск⁹, в ходе которого обнаружился «нового сочинения ругательный пасквиль», озаглавленный как «Без дозволения начальства. Антикритика»:

---

6 РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 48. Л. 50. Страдая приступами морской болезни со времени обучения в Морском кадетском корпусе, Даль, видимо, надеялся на сочувствие и помощь Грейга. В его «Записках, веденных идучи с эскадрой на 44-пушечном фрегате «Флора»» сохранилось свидетельство о встрече с адмиралом 25 июня 1820 года: «Ветер был свеженький, и меня укалоло препорядочно, я насилу мог на ногах держаться, — капитан сказал сие Алексею Самойловичу, и я рад, что адмиралу это известно» (Владимир Даль в счастливом доме на Пресне: Сб. ст. / Сост. Р.Н. Клейменова. М.: Academia, 2010. С. 397). Хотя перевод на службу в ведомство путей сообщения не состоялся, послужной список мичмана В.И. Даля за 1821—1823 годы показывает, что Грейг распорядился, чтобы он преимущественно нес службу «при берегу» (РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 15 об. — 16). Об этом упоминает и дочь В.И. Даля Екатерина в своих воспоминаниях об отце (*Даль Е.В.* Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям его дочери) // *Русский вестник.* 1879. Т. 142. № 7. С. 92).

7 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 1.

8 По свидетельству однокурсника и близкого друга Даля Д.И. Завалишина, в Морском кадетском корпусе лексикограф «имел сильную склонность к насмешкам, которая отразилась и в его литературных произведениях... <...> ...отсюда в корпусе пришлось ему испытывать много неприятностей, и было на него много жалоб» (*Завалишин Д.И.* Некоторые обстоятельства жизни Владимира Ивановича Даля (По поводу статьи «В.И. Даль» (по воспоминаниям его дочери). — «Русский вестник» 1879 года, июль) // *Русская старина.* 1904. Т. 119. № 8. С. 331). Однако формального дисциплинарного взыскания со стороны начальства не последовало, чему Даль, как отмечает Завалишин, обязан был покровительству морского министра де Траверсе, с детства знавшего юношу и лично расположенного к нему. С 1802 года де Траверсе являлся командующим Черноморским флотом и портами и в течение четырех лет (1805—1809) служил с отцом Далем в Николаеве. Особое отношение морского министра к гардемарину Владимиру Далю зафиксировано в «Дневном журнале», который последний вел с мая по сентябрь 1817 года во время учебного плавания на бриге «Феникс» (см.: Владимир Даль в счастливом доме на Пресне: Сб. ст. / Сост. Р.Н. Клейменова. М.: Academia, 2010. С. 359).

9 Сохранилась записанная Н.О. Лернером легенда о том, что полицмейстер проник в дом Даля при помощи «странных махинаций» с измерением тротуара, вызвавших любопытство матери мичмана, которая сама впустила полицейских в кабинет сына под предлогом «важного дела» [Лернер 1901]. Это сообщение, вероятно, относится

Дурак, как Марака, над ним забавлялся,
Мараю Мараку, он сам замарался;
На равных Мараке пасквили писать
Ума хоть и станет, бумаги не стать!
Та полька не полька, а Лейка жидовка
(Сатирик в герольдии, знать, не служил).
Сестра ее, мать, такие ж торговки,
Подрядками ставят, что Бог подарил.
В каком-то местечке меня уверяли,
Что Лейку прогнали и высекли там.
Я, право, не верю! Из зависти лгали.
Наш битого мяса не любит и сам!¹⁰

Наряду с первым экземпляром стихотворения было найдено несколько его копий на «четвертных листах». По внешнему виду бумаги, чернилам, почерку, равно как и по содержанию, они были аналогичны ранее распространенному по Николаеву «ругательному сочинению». Когда на следующий день полиция предъявила Далу (в момент обыска отсутствовавшему дома) найденные улики, он признался, что является их автором.

«За столь предосудительные благородному званию занятия» мичман был предан Комиссии военного суда при Николаевском порте. Отвечая на вопросы судей, Даль еще раз подтвердил, что сочинил «Антикритику» и переписал несколько раз «притворной рукою», однако утверждал, что сделал это не для распространения, а исключительно с тем, чтобы «позабавиться» своим творчеством с приятелями. По словам мичмана, он намеревался сообщить им, что нашел листки со стихами в городе, а после прочтения «они были бы преданы пламени»¹¹.

От сочинения и распространения первого пасквиля Даль упорно отказывался. Он заявлял, что сам увидел его мимоходом у неких канцелярских служителей на улице. Сходство почерка, бумаги и чернил своего стихотворения и пасквиля он называл «случайным» и объяснял «странным стечением» неблагоприятных для него обстоятельств¹². Аналогии в содержании мичман также отрицал, утверждая, что его «Антикритика», как следует из самого названия, опровергает и осмеивает все сказанное в пасквиле, «а сочинитель оного назван “дураком”»¹³. Единственным мотивом к сочинению «Антикритики», по словам Даля, было желание «насчет пасквилянта посмеяться»¹⁴.

к разряду городского фольклора и не имеет под собой реальных оснований. Никакой необходимости в подобных ухищрениях у начальника полиции, получившего официальный приказ об обыске от военного губернатора города, каковым по должности являлся Грейг, не было.

10 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 68. Безосновательными являются попытки современного писателя охарактеризовать антисемитизм лексикографа как последствие истории с пасквилом [Шигин 2013: 148]. В одной из первых пьес Даля «Невеста в мешке, или Билет в Казань», написанной в 1821 году в Николаеве, в качестве персонажей действуют «жиды с товарами» Рухель и Лейба, выведенные автором в подчеркнуто карикатурно-стереотипном виде.

11 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 22 об.

12 Там же. Л. 22.

13 Там же.

14 Там же. Л. 22 об.

В своих показаниях он делал упор на то, что в судебном процессе отсутствует пострадавшая от его действий сторона: «Стихи, в коих я никого не обидел, на кои никто не жаловался, которых никто не видал, никак “пасквилом” быть названы не могут, каковое неприличное название крайне для меня обидно»¹⁵. Прямые вопросы Комиссии, кто же такая «Лейка-жидовка», и откуда он знает, кого именно сочинитель первого пасквиля подразумевал под «полькой-подрядчицей», мичман сначала переадресовал полицмейстеру Федорову, который, по его мнению, «может подать подробнейшее о сем известие»¹⁶, а потом и вовсе заявил:

Слова «та полька не полька, а Лейка жидовка» отношу я на жидовку Лейку; если она существует и сказанным мною обижается, то должна просить законным порядком; если же нет, то можно ли судить меня с несуществующим противником?¹⁷

Под словами «Наш битого мяса не любит и сам» Даль, как он заявил Комиссии, подразумевал вовсе не адмирала Грейга (хотя, как было известно судьям, молодые офицеры флота в неформальном общении зачастую называли командующего «Наш»), а «наш Николаев»: «Не верю, чтобы здесь находилась жидовка Лейка, которая была бы высечена и выгнана из другого местечка; не верю, чтобы наш Николаев дал бы пристанище таковой распутной женщине»¹⁸.

В целом поведение Даля на суде может быть охарактеризовано как вызывающе дерзкое. Мичман не терял присутствия духа, держался самоуверенно и отвечал на вопросы Комиссии в иронично-насмешливом стиле. Он не признавал себя виновным и даже пытался переложить на полицмейстера Федорова ответственность за то, что его «отнюдь не назначенные для публики» стихи получили известность в результате «незаконно проведенного» обыска. Сами стихи Даль называл «произведением минутной шалости, в коей, кажется, законопреступного ничего не заключается»¹⁹. Он полагал, что его судят исключительно за «мысли», которым на самом деле «нет судьи, кроме совести и Бога», и постоянно заявлял судьям: «Я не знаю, за что под судом»²⁰.

Можно предположить, что Даль прекрасно сознавал двусмысленность положения адмирала Грейга и его гражданской супруги. Не состоя в официальном браке, они не могли предъявить ему прямого обвинения в оскорблении жены командующего флотом (да и невозможно было представить, как Кучковская явится в Комиссию военного суда и заявит, что она и есть упомянутая в пасквили «Лейка-жидовка»). Все это позволяло мичману изображать невинность и демонстративно заниматься казуистикой: притом что николаевское общество отлично понимало подоплеку процесса²¹, с точки зрения формального права пострадавшей стороны в деле не было.

15 Там же. Л. 21 об. — 22.

16 Там же. Л. 24.

17 Там же. Л. 31 — 31 об.

18 Там же. Л. 24 об.

19 Там же. Л. 22 об.

20 Там же. Л. 32 — 32 об.

21 Даль и сам отмечал это в своих показаниях, заявляя, что «несмотря на глупость и плоскость пасквиля, главное оно содержание, с примечаниями, дополнениями и критическими обозрениями, можно было слышать от всякого, особенно в первые три дня» (Там же. Л. 31).

Тем не менее Комиссия признала поступок Даля заслуживающим осуждения. Судьи посчитали сходство внешнего вида и содержания распространенного по городу пасквиля и найденного при обыске «ругательного сочинения» очевидным и доказанным. Поскольку Даль признался в составлении «Антикритики» в качестве ответа на первый пасквиль (а это очевидным образом свидетельствовало о знакомстве с содержанием сатиры), Комиссия отметила, что о факте его появления мичман «тогда же должен был объявить начальству, но он, не соблюдая сего, сам еще сочинил новый»²². На основании 149-го артикула «Воинского устава» суд приговорил Даля к разжалованию в матросы сроком на шесть месяцев.

Как показывают документы военно-судного дела, адмирал Грейг не только не «диктовал» Комиссии приговор [Глазунова 1997: 128; Порудоминский 1971: 58], но и никак не вмешивался в работу. Даль, в свою очередь, располагал возможностью изучать и ссылаться для собственной защиты на действующие законодательные акты Российской империи. Единственный эпизод косвенного участия Грейга в работе Комиссии относится к 21 августа 1823 года, когда на запрос судей о высылке найденного при обыске черновика «ругательного сочинения» для изобличения Даля адмирал выразил мнение, что по случаю уже сделанного мичманом признания «нет надобности изыскивать другие средства к улике его»²³. Очевидным доказательством того, что, по крайней мере, не все члены Комиссии принимали решения под указку адмирала, служит «особое мнение» одного из судей, офицера морской артиллерии Карасева, свободно выраженное после вынесения приговора. Его точка зрения заключалась в том, что изобличить Даля в сочинении пасквиля можно лишь на основании косвенных доказательств, а в самом стихотворении, «произошедшем, как думать можно, по шалости от молодых лет, никакой страсти и зла не видно»²⁴. На этом основании Карасев не соглашался с другими членами Комиссии в мере строгости наказания и полагал достаточным приговорить мичмана к шести месяцам ареста.

В самом начале рассмотрения дела Даль был ознакомлен с составом Комиссии военного суда и дал подписку, что «на презуса (председателя. — А.М., Ю.М.), ассессоров и аудитора не имеет никакого подозрения и судом их будет доволен»²⁵. После ознакомления с итоговой выпиской из дела мичман заверил суд, что «кроме описанных ответов, к оправданию своему более ничего прибавить не имеет»²⁶. На протяжении четырех месяцев судебного процесса никаких жалоб на «пристрастность» судей от него не поступало. Однако, узнав о вынесенном приговоре, Даль заявил:

Запросы были чинимы весьма пристрастно, и все дело с самого начала было рассматриваемо с одной только стороны, почему оскорбленная честь моя требует, чтобы я всеми способами искал своего права, и в свое время буду просить на Высочайшее имя²⁷.

22 Там же. Л. 55 об.

23 Там же. Л. 38.

24 Там же. Л. 57.

25 Там же. Л. 19.

26 Там же. Л. 40, 48 — 48 об.

27 Там же. Л. 51.

Утверждая приговор Комиссии, Грейг обратил внимание на бесосновательность утверждений Даля о том, что несколько копий «Антикритики» были изготовлены исключительно для «показания приятелям» и последующего уничтожения. По мнению адмирала, «таковое желание свое мог бы удовлетворить одним, а не несколькими экземплярами, да и показывание сие другим есть также публикование иным, против первого, способом»²⁸. В собственном мнении о деле Грейг отмечал:

При явных уликах одно упорство удерживает его, Даля, от собственного признания в прописанных поступках, в коих, по таковому упорству и употребленным им в ответах неприличным выражениям насчет полицмейстера, равно и насчет Комиссии военного суда, доказывающим только дух своевольтства и неповиновения, я не признаю его заслуживающим уважения²⁹.

Завершение военно-морской карьеры

23 сентября 1823 года военно-судное дело было представлено начальнику Морского штаба и управляющему Морским министерством А.В. фон Моллеру, а через две недели осужденный мичман Даль подал всеподданнейшее прошение императору Александру I. В нем, называя распространенную в Николаеве сатиру «неважным пасквильным сочинением», он обвинял полицмейстера Федорова в «самочинном» проведении обыска, адмирала Грейга — в предании суду «по одному только подозрению», а Комиссию военного суда — в принуждении к сознанию «в несоделанном преступлении» и последующем «самопроизвольном, по одним каким-то догадкам» вынесении обвинительного приговора³⁰. Прощение завершалось призывом:

Чувствуя в полной мере невинность свою и несправедливость всего дела, я, крайне обиженный и обесчещенный судебным приговором, всеподданнейше прошу: дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение записать и о рассмотрении в высшем судебном месте пристрастно учиненного приговора Комиссией военного суда, равно как и самого несправедливо произведенного дела, дать Вашего Императорского Величества, кому следует, указ³¹.

Рассмотрев военно-судное дело, Аудиториатский департамент Морского министерства распорядился провести графологическую экспертизу трех документов: распространенного по Николаеву пасквиля, найденной у мичмана Даля «Антикритики» и его всеподданнейшего прошения. Исследование было осуществлено в январе 1824 года чиновниками Управления Черноморского департамента в Николаеве. По изучении документов, эксперты пришли к выводу, что в обоих стихотворениях «некоторые слова одни с другими в почерке сходны, а с прошением мичмана Даля не имеют сходствия. Но как оба пасквиля писаны притворным почерком, то и не можем утвердить, что писаны одним»³².

28 Там же. Л. 6 об.

29 Там же.

30 Там же. Л. 65 — 65 об.

31 Там же. Л. 65 об. — 66.

32 Там же. Л. 64 — 64 об.

На этом основании Аудиториатский департамент счел вину мичмана в сочинении и распространении первого пасквиля не вполне доказанной. Составление же на это стихотворение «Антикритики» было признано «непристойным званию своему занятием», однако при этом ревизионные судьи учли формальное отсутствие жалоб от пострадавших лиц и то обстоятельство, что «по делу вовсе не открыто, существуют ли где из них Лейка-жидовка, сестра и мать ее»³³.

В итоге было вынесено определение о вменении Далю в штраф нахождения под судом и ареста, «подтвердив притом, дабы впредь он подобных занятий воздержался, под опасением взыскания по строгости законов»³⁴. 14 марта 1824 года управляющий Морским министерством утвердил заключение Аудиториатского департамента, а спустя несколько месяцев Даль был переведен из Николаева в 5-й флотский экипаж Балтийского флота с производством в чин лейтенанта³⁵.

История с пасквилом оказала глубочайшее влияние на последующую жизнь Даля. В его послужном списке в графе «Был ли в штрафах, под следствием и судом» появилась запись: «Был за сочинение пасквилей, и, по решению Морского аудиториатского департамента, вменено в штраф бытие его под судом и долговременный арест, под коим состоял с сентября месяца 1823 по 12 апреля 1824 года»³⁶. Именно это обстоятельство, по всей видимости, стало истинной причиной увольнения будущего лексикографа с морской службы, а вовсе не необходимость «отважной борьбы» или, напротив, «пассивного подчинения и уживчивости» со «страшными злоупотреблениями», совершавшимися во флоте [Мельников-Печерский 2002: 16].

С подобным «пятном» продолжать военную карьеру было сложно, и отставной лейтенант принял решение кардинально сменить поприще: «Я почувствовал необходимость в основательном учении, в образовании, дабы быть на свете полезным человеком»³⁷.

Соккрытие взыскания. Обвинения А.Х. Бенкендорфа

Поступив в Императорский Дерптский университет, Даль приступил к изучению медицины под руководством профессора И.Ф. Мойера. Однако в планы молодого человека относительно врачебной карьеры вмешалась русско-турецкая война 1828—1829 годов. Во исполнение высочайшего повеления о выписке лекарей в действующую армию, медицинский факультет провел досрочные испытания воспитанников, по итогам которых 13 студентов, в том числе и Даль,

33 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 214. Л. 25 об. — 26.

34 Там же. Л. 26.

35 По традиции, восходящей к «Воспоминаниям» дочери Даля Екатерины, столь благоприятный для мичмана исход дела обычно приписывается заступничеству генерала от кавалерии П.Х. Витгенштейна (*Даль Е.В.* Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям его дочери). С. 94; ср.: [Золотухин 2005: 16]). На решение мог повлиять и морской министр де Траверсе, хорошо знавший семью Далей.

36 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4620. Л. 8.

37 *Даль В.И.* Автобиографическая записка 1841 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. № 5. С. 183. Сохранились свидетельства П. И. Мельникова-Печерского о попытках Даля «перейти в инженеры, в артиллеристы, даже просто в армейские офицеры» [Мельников-Печерский 2002: 16].

удостоенный докторской степени, получили назначение на службу по военному ведомству³⁸.

При повторном зачислении на государственную службу весной 1829 года формулярный список Даля был начат с чистого листа: теперь он открывался записями о получении высшего образования в Дерптском университете и не содержал сведений ни об обучении в Морском кадетском корпусе, ни о службе во флоте³⁹. Вероятно, соответствующие документы попросту не были представлены самим Далем в Военно-медицинское ведомство. Это обстоятельство лишило новоиспеченного доктора медицины почти десяти лет выслуги, однако вместе с тем обеспечивало полное забвение истории с пасквилом: сведения о пребывании под судом и наложении штрафа официально заменились записью «Не был»⁴⁰.

После окончания русско-турецкой войны Даль продолжил службу в качестве военного врача. Он боролся с эпидемией холеры в Молдавском княжестве и Подольской губернии, а затем, как старший лекарь Каргопольского драгунского полка, принял участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 годов. Последним его занятием на поприще медика стала продолжавшаяся год с небольшим служба в качестве ординатора Санкт-Петербургского военного госпиталя.

Весной 1833 года в судьбе Даля открылась новая страница. Он оставил военно-медицинскую службу и поступил на должность чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском. Перемены в его формулярном списке на этот раз свелись к «переименованию» в гражданский чин коллежского асессора⁴¹.

38 РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 196. Л. 7 — 7 об.

39 См., например: РГИА. Ф. 1284. Оп. 25. Д. 255. Л. 37 об. — 38, 72 об. — 73; Оп. 28. Д. 329. Л. 27 об. — 28; Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241. Л. 3 об. — 4; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 646. Л. 93 об. — 94; Оп. 4. 1843 г. Д. 35. Ч. 1. Л. 68 об. — 69; Оп. 4. 1845 г. Д. 235. Ч. 1. Л. 685 об. — 686.

40 При поступлении в Дерптский университет Даль, несомненно, представлял аттестат об увольнении с морской службы (для поступления в высшее учебное заведение необходимо было подтвердить освоение программы на уровне гимназического курса): в документах периода обучения лексикограф упоминается как «отставной флота лейтенант» (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 196. Л. 4; ср.: [Никитский 1902]).

Версия М.Я. Бессараб о том, что исчезновение записи о штрафе из формулярного списка Даля произошло весной 1833 года, при переходе из Военно-медицинского ведомства на гражданскую службу в Оренбург [Бессараб 1968: 90], не соответствует действительности. «Незачисление» являлось обязательным условием для награждения российскими орденами (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ). 1-е собр. Т. XXIV. № 17908. С. 570. 5 апреля 1797). Наличие неснятого взыскания в послужном списке стало бы для В.И. Даля непреодолимым препятствием к получению наград на военно-медицинской службе. Между тем в декабре 1829 года «за усердную службу во время Турецкой кампании» он стал кавалером ордена Святой Анны 3-й степени (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241. Л. 4 об. — 5 об.).

В других работах до сих пор не обращалось внимания на отсутствие в формулярном списке Даля каких-либо упоминаний о судимости и наложении штрафа. Несмотря на то что практическая несовместимость успешной карьеры лексикографа на государственной службе с неснятым взысканием замечалась некоторыми исследователями [Грачев 2013: 173; Никитин 2021: 37; Порудоминский 1971: 58; Седов 2000: 17—18], детально этот вопрос не анализировался.

41 РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241. Л. 5 об. — 6. В гражданском чине VIII класса В.И. Даль был утвержден, согласно установленным 24 января 1803 года «Предварительным правилам народного просвещения», по имевшейся у него ученой степени доктора

В скором времени Даль стал для нового начальника поистине незаменимым сотрудником. Он вел переписку, занимался текущими административными и хозяйственными делами, составлял разнообразные доклады, отчеты и представления. За время службы между ним и Перовским сложились дружеские отношения, а в 1834 году они стали «духовными родственниками», когда губернатор выступил в качестве крестного отца первенца Даля Льва, получившего в честь него свое второе имя — Базиль⁴².

Не случайно семь лет спустя, покидая Оренбург после неудачного Хивинского похода, Перовский озаботился судьбой Даля и рекомендовал на должность секретаря своему родному брату — товарищу министра уделов Л.А. Перовскому⁴³.

В сентябре 1841 года Даль переехал в Санкт-Петербург и приступил к исполнению своих обязанностей. Однако не прошло трех месяцев его службы на новом месте, как уже полузабытая история с пасквилем неожиданно напомнила о себе. 17 ноября главный начальник Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии А.Х. Бенкендорф обратился к Л.А. Перовскому с отношением «о чиновнике Дале». Глава политической полиции секретно сообщал министру о «неблагонамеренном духе» состоящего при нем секретаря и отмечал, что «Даль был под судом по случаю павшего на него сильного подозрения в сочинении им одного пасквиля»⁴⁴.

Перовский потребовал от Даля объяснений, и тот представил следующую версию событий 18-летней давности:

В Николаеве написал я не пасквиль, а шесть или восемь стихков, относившихся до тамошних городских властей; но тут не было ни одного имени, никто не был назван, и стихи ни в каком смысле не касались Правительства. Около того же времени явился пасквиль на некоторые лица в городе; пасквиль, который я по сию пору еще не читал⁴⁵.

В изложении давнего инцидента, сознательно или в силу особенностей памяти, имело место наложение реальных событий, произошедших в Николаеве, на ту версию, которой лексикограф придерживался перед судом. Появились и новые тезисы — вероятно, как результат позднейшего осмысления ситуации. Так, под «шестью или восемью стихками», по всей видимости, подразумевались подметные письма, оскорбительные для «благородной публи-

---

медицины. Однако теми же «Правилами» предусматривалось, что лица, имеющие ученые степени, принимаются чинами соответствующих классов, лишь «вступая в род службы, соответствующий их познаниям» (ПСЗ. 1-е собр. Т. XXVII. № 20597. С. 440. 24 января 1803). Поступая на гражданскую службу, не касавшуюся, собственно, медицинской части, Даль, согласно указу императора Александра I от 6 августа 1809 года, должен был для получения чина коллежского асессора сдать соответствующий экзамен «в науках» (ПСЗ. 1-е собр. Т. XXX. № 23771. С. 1054—1057. 6 августа 1809). Возможно, этой «формальности» удалось избежать благодаря вмешательству Перовского.

42 РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241. Л. 26.

43 С 23 сентября 1841 года Л.А. Перовский одновременно занимал должность министра внутренних дел.

44 РГИА. Ф. 1284. Оп. 25. Д. 255. Л. 90 об.

45 Даль В.И. Автобиографическая записка 1841 г. С. 182.

46 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 213. Л. 22 об.

ки города Николаева», от авторства которых мичман в 1823 году отказывался под предлогом того, что и сам является «членом николаевского благородного общества»⁴⁶.

Собственно пасквиль Даль, по его заверениям, впервые увидел «на столе военного суда», однако был обвинен «без всяких доказательств» и приговорен к лишению чинов. После этого он подал прошение на высочайшее имя и, «не смотря на силу главного местного начальства и мое пред ним ничтожество, генерал-аудиториат меня защитил: мне возвращен был чин лейтенанта, а сам я переведен в Балтийский флот»⁴⁷. При этом лексикограф признавал совершение некоего «проступка», хотя и находил себя достойным снисхождения: «Не хочу оправдываться в проступке своем, но смею думать, что я пострадал за него довольно, и что это для молодого человека, едва только оставившего корпус, есть достойная наказания и забвения шалость»⁴⁸.

Перовский вполне удовлетворился представленным объяснением. В ответном отношении Бенкендорфу он характеризовал Даля как «отлично усердного и совершенно благомыслящего» чиновника и подчеркивал: «По обвинению же в сочинении пасквиля, о коем Вы, милостивый государь, изволили упомянуть и чему прошло уже двадцать лет, он был оправдан генерал-аудиториатом»⁴⁹.

Отметим, что расценивать решение Аудиториатского департамента, вынесенное в 1824 году, как «оправдание» было нельзя: в этом случае мичман Даль был бы освобожден из-под ареста с «очистительным аттестатом», без наложения штрафа. Тем не менее отвечая Бенкендорфу, Перовский представлял дело именно так, не желая подставлять под удар незаурядного чиновника, рекомендованного ему братом.

Начальник Третьего отделения благосклонно отнесся к утверждениям министра и, в свою очередь, заверил Перовского: «Будучи весьма рад переменить о господине Дале мнение мое, я буду его впредь понимать не иначе, как согласно с Вашим о нем заключением»⁵⁰.

Попытка апелляции

За несколько лет службы Даль полностью оправдал доверие Перовского, став его ближайшим помощником. С 1842 года он заведовал Особенной канцелярией министра внутренних дел, созданной для производства дел «особой важности»⁵¹. В своих агентурных записках в Третье отделение писатель и журналист Ф.В. Булгарин описывал лексикографа как «первого любимца министра» и «самое доверенное его лицо», которого «все губернаторы боятся более, нежели Перовского» [Рейтблат 1998: 492, 545]. Аналогичные свидетельства оставил и первый биограф Даля П.И. Мельников-Печерский:

47 *Даль В.И.* Автобиографическая записка 1841 г. С. 182.

48 Там же. С. 183.

49 РГИА. Ф. 1284. Оп. 25. Д. 255. Л. 93.

50 Там же. Л. 102 об.

51 РГИА. Ф. 1284. Оп. 31. Д. 408. Л. 101. Как вспоминал известный государственный деятель А.В. Головин, служивший в Особенной канцелярии в 1843—1848 годах, Перовский передавал в нее разного рода дела, «по которым желал иметь доклады, записки, отношения, писанные большим знатоком всех тонкостей русского языка, каковым являлся Даль» (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 3. Л. 49).

Все знали, что значит Даль для министра, и потому было не удивительно, что губернаторы и другие важные лица, служившие по ведомству Министерства внутренних дел, все искали мест и наград взбирались по девяноста ступеням в квартиру Владимира Ивановича; но он всегда был для них невидимкой [Мельников-Печерский 2002: 36].

Однако случай с дошедшими до Бенкендорфа «неблагоприятными сведениями» продемонстрировал и Далю, и покровительствовавшему ему Перовскому необходимость осуществить законную процедуру снятия штрафа: простого исчезновения соответствующих сведений из формулярного списка могло оказаться недостаточно.

Обстоятельства благоприятствовали апелляции. В январе 1845 года 69-летний адмирал Грейг скончался в Санкт-Петербурге. Со смертью оскорбленного пасквилом флотоводца изложить альтернативную версию событий стало некому (вдова адмирала не могла предоставить сколько-нибудь значимые с юридической точки зрения свидетельства по делу, на момент которого не являлась законной супругой). В то же самое время высший ревизионный суд Морского ведомства (Морской генерал-аудиториат) возглавил родной брат министра внутренних дел, бывший оренбургский губернатор В.А. Перовский.

Через несколько месяцев после смерти Грейга Даль составил всеподданнейшее прошение о пересмотре военно-судного дела. В нем вскользь упоминалось о пасквиле, ставшем первопричиной судебного процесса, и так же, как в случае с Бенкендорфом, делался акцент на «шести или восьми ничтожных стишках»:

Во время службы моей в Черноморском флоте был я предан военному суду, как сказано было в приговоре, «за сочинение пасквилей» и приговорен к лишению чинов и написанию в матросы. Не считая решение это законным и справедливым, потому что в шести или восьми ничтожных стишках, подавших к тому повод, не было ни одного имени, и никто не мог быть ими оскорблен, я в то время прибегнул к предоставленному в подобных случаях подсудимому праву, объяснив все это дело в поданном на Высочайшее Имя прошении. Вследствие сего решением Морского аудиториатского департамента приговор военного суда был отменен, с записанием мне в штраф бытия под судом и содержание в это время под арестом⁵².

Даль отмечал, что «прежняя подсудимость» лишает его нескольких лет выслуги к пенсии и «вообще пятнает» его службу, и просил вынести «законное и справедливое решение» по этому делу⁵³.

---

52 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 214. Л. 4 — 4 об.

53 Там же. Л. 4 об. — 5. Более откровенно собственные мотивы лексикограф изложил в личном письме к генерал-аудитору флота Д.А. Эристову от 30 марта 1845 года: «Окончательная участь моя будет: жить со временем небольшою пенсией, если только я доживу и дослужусь до нее. Но семь лет флотской службы моей пропадет: они, по всей вероятности, не зачтутся мне к пенсии, потому что я был под судом, и формуляр мой, не оговаривая положительно, чтобы я был обвинен, отзывается, однако же, обо мне довольно дурно: “находился под судом за сочинение пасквилей, и содержание на гауптвахте вменено в наказание”. Так, если не ошибаюсь, провинность моя записана была тогда в послужной список мой, по распоряжению местного начальства» [Русские достопамятные люди 1889: 583]. Это письмо примечательно тем, что в нем впервые косвенно признавалось умышленное сокрытие сведений о взыскании.

Особенная канцелярия министра внутренних дел подготовила всеподданнейший доклад о направлении прошения Даля на рассмотрение ревизионного суда, который был утвержден к исполнению императором Николаем I⁵⁴. Весной 1846 года Морской генерал-аудиториат под председательством В.А. Перовского приступил к пересмотру истребованного из архива военно-судного дела «О мичмане Дале».

По истечении двух месяцев судьбы пришли к выводу, что Аудиториатский департамент Морского министерства, в 1824 году наложивший на лексикографа штраф «за одно сочинение “Антикритики” на пасквиль», неверным образом истолковал предписания «Морского устава», «ибо оным положено оштрафование за оскорбление кого-либо, а в “Антикритике” ничего подобного не заключается, и самая “Антикритика” не была известна публике, а найдена у Даля полицией»⁵⁵. Поскольку мичман не был бесспорно изобличен в сочинении и распространении пасквиля, а в его «шуточной “Антикритике”» не содержалось «прямого на какое-либо лицо оскорбления», он не подлежал наказанию, «хотя и понес оное, быв под арестом и судом»⁵⁶. На этом основании Морской генерал-аудиториат вынес определение:

Статского советника Даля освободить от присужденного вменения в штраф бытности под арестом и судом, и штраф сей из формулярного его списка исключить, не полагая оного препятствием к получению за прежние годы его службы пенсии и Знака отличия беспорочной службы⁵⁷.

В.А. Перовский представил доклад Морского генерал-аудиториата об отмене приговора Николаю I, но вместо того, чтобы утвердить его, император сначала потребовал объяснений, «когда и через кого» было объявлено повеление о пересмотре дела, а затем собственноручно оставил резолюцию: «После 23 лет и за смертью А. Грейга, не считаю удобным перерешать»⁵⁸. 30 июля 1846 года В.А. Перовский уведомил Л.А. Перовского о столь неожиданном исходе событий.

Официальным образом снять штраф и вернуть утраченную выслугу не удалось, и Даль продолжал службу с «неполным» формулярным списком вплоть до 1849 года, когда состоялся его перевод на должность управляющего Нижегородской удельной конторой.

Снятие штрафа

Принято считать, что основанием для перевода лексикографа из Санкт-Петербурга послужил высочайший выговор за публикацию в журнале «Москвитянин» рассказа «Ворожейка», в котором был найден «двусмысленно выражен-

---

54 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 214. Л. 2 об.

55 Там же. Л. 33 об. Эти суждения являлись почти буквальным повторением доводов самого Даля, прозвучавших более двадцати лет назад перед Комиссией военного суда, с которыми члены Морского генерал-аудиториата ознакомились в ходе изучения материалов дела.

56 Там же. Л. 33 об. — 34.

57 Там же. Л. 34.

58 РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 214. Л. 35.

ный намек на обычное, будто бы, бездействие начальства» [Костинский 2000: 95—96; Матвиевская, Зубова 2002: 188; Никитин 2021: 161—166; Ольховский 2000: 48; Порудоминский 1971: 282—285; Седов 2000: 38—39]. Однако имелось одно обстоятельство, которое существенным образом могло способствовать удалению Даля из столицы.

7 апреля 1849 года по распоряжению императора Николая I был издан Сенатский указ «Об означении в формулярных и послужных списках чиновников бытности под судом»⁵⁹. Согласно этому документу, факт судимости должен был указываться в формулярах даже тех чиновников, которые были полностью оправданы и признаны невиновными. Что касалось подвергнутых взысканиям служащих, указом особо подчеркивалось: «Бытность под судом показывать в штрафной графе формулярного или послужного списка тем самым порядком, какой в сем отношении существующими узаконениями определен»⁶⁰.

Не исполнить это повеление, особенно после того, как Даль уже привлек к себе негативное внимание императора, не представлялось возможным. У начальника и покровителя лексикографа Л.А. Перовского имелось немало недоброжелателей (включая главу Третьего отделения А.Ф. Орлова), которые могли использовать в собственных целях «изъяны» служебной биографии его личного секретаря. Ситуация осложнялась еще и тем, что простое указание сведений о штрафе порождало вопрос, каким образом Даль несколькими годами ранее был награжден Знаком отличия беспорочной службы⁶¹.

В результате для В.И. Даля было освобождено место управляющего Нижегородской удельной конторой. 4 мая 1849 года Л.А. Перовский в качестве главы Удельного ведомства известил занимавшего должность статского советника И.П. Бестужева-Рюмина о назначении его членом Общего присутствия Департамента уделов и предписал «отправиться без замедления в Санкт-Петербург»⁶². По всей видимости, предполагалось, что переведенному за тысячу с лишним верст от столицы Далю легче будет избежать ненужного внимания к обстоятельствам своей служебной карьеры, и этот расчет вполне оправдался⁶³.

Десятилетняя служба в Нижнем Новгороде стала вершиной чиновной карьеры Даля. Он был произведен в действительные статские советники, награж-

59 ПСЗ. 2-е собр. Т. XXIV. Отд. 1. № 23162. С. 200—201. 7 апреля 1849.

60 Там же. С. 200.

61 Знак отличия беспорочной службы был учрежден императором Николаем I в 1827 году в качестве награды «постоянно усердного и беспорочного служения» военных и гражданских чиновников в течение определенного срока времени (не менее 15 лет). Лица, находившиеся под судом и следствием и не получившие «полного оправдания в поступках своих», лишались права на его получение. Министры и главноначальствующие, представлявшие подчиненных к награждению знаком, несли «строжайшую ответственность за правильность удостоения» (Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 662, 669—672).

62 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 2859. Л. 2.

63 В пользу изложенной версии говорит тот факт, что в заведенном в Санкт-Петербурге деле Департамента уделов о назначении Даля управляющим Нижегородской удельной конторой, вопреки существовавшим нормам делопроизводства отсутствует его формулярный список (см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 2867). И лишь в Нижнем Новгороде в формулярном списке лексикографа впервые появляется запись о штрафе (см.: Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 744. Оп. 254. Д. 642. Л. 2).

ден орденом Святого Станислава 1-й степени и семь раз удостоен «высочайшего благоволения»⁶⁴.

Вместе с тем идейное неприятие лексикографом будущей крестьянской реформы в сочетании с острым личным конфликтом между ним и нижегородским губернатором А.Н. Муравьевым [Манойленко, Манойленко 2022: 108—112] послужило тому, что Даль начал задумываться об отставке. Осенью 1857 года в письме управляющему Канцелярией председателя Департамента уделов В.М. Лазаревскому он отмечал: «Если бы мне дали пенсию по-божески, то есть за 40 лет жалованье мое, то я бы вскоре и вышел. А то даете пенсию по старому окладу: этим жить невозможно»⁶⁵. Таким образом, в свете хлопот о размере будущей пенсии потерянные из-за сокрытия истории с пасквилем десять лет службы оказались для В.И. Даля чрезвычайно важны⁶⁶.

Сложившаяся ситуация выглядела парадоксальной: полная выслуга уже много лет присутствовала в формулярном списке лексикографа⁶⁷, однако официально воспользоваться ею было невозможно из-за неснятого взыскания. Необходимо было законным путем отменить штраф и одновременно избежать расследования того, каким образом сведения о некогда наложенном взыскании исчезли из служебных документов «способного и достойного» чиновника. Если бы ненароком выяснилось, что достижением служебных высот действительный статский советник и кавалер В.И. Даль обязан самовольному сокрытию штрафа, это могло иметь самые печальные последствия. Однако Фортуна в очередной раз оказалась благосклонна к бывшему мичману.

12 апреля 1859 года, в день рождения наследника цесаревича Николая Александровича, министр императорского двора и уделов В.Ф. Адлерберг представил императору Александру II доклад «о примерно усердной и полезной службе действительного статского советника Даля по Удельному ведомству»⁶⁸. В итоге император «всемилоостивейше повелеть соизволил: понесенный господином Далем штраф, показанный в XI-й графе формулярного списка, не считать дальнейшим препятствием к получению наград и преимуществ, беспорочно служащим предоставленным»⁶⁹.

Многолетняя эпопея с пасквилем подошла к своему логическому завершению. Служебный путь лексикографа со всеми повышениями и поощрениями был «обелен» задним числом, а сокрытая военно-морская карьера легитимирована. 6 сентября 1859 года Даль, согласно собственному прошению, был уволен с должности управляющего Нижегородской удельной конторы⁷⁰ и переехал в Москву, где полностью посвятил себя составлению «Толкового словаря».

64 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4620. Л. 36 — 47 об.

65 Лазаревский В.М. Мое знакомство с Далем. Переписка с Далем // Русский архив. 1894. № 8. С. 565.

66 Согласно «Уставу о пенсиях и пособиях», чиновникам Удельного ведомства, «усердно и беспорочно» прослужившим 40 лет, полагалась пенсия в размере полного оклада получаемого жалованья; за 30 лет выслуги следовала половина жалованья, за 20 — третья часть (Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. С. 65). Без учета военно-морской выслуги пенсия В.И. Даля должна была начисляться менее чем за 30 лет службы.

67 ЦАНО. Ф. 744. Оп. 254. Д. 642. Л. 1 об. — 2.

68 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4620. Л. 44.

69 Там же.

70 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4216. Л. 1, 4.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что детальное непредвзятое рассмотрение «пасквильной» истории и ее долгосрочных последствий позволяет представить жизненный путь Даля не столь одномерным и прямолинейным, как это следует из большинства его «канонических» биографий. Обращение к этому эпизоду также имеет ценность для понимания особенностей характера и мировоззрения лексикографа, ведь в сочинении «ничтожных стишков» он не раскаялся до последних дней⁷¹.

События, произошедшие в 1823 году в Николаеве, наложили глубокий отпечаток не только на личность Даля, но и на его последующую карьеру, осмыслить неожиданные повороты которой невозможно, не принимая в расчет «юношеский опус». Давний инцидент сопровождал лексикографа на протяжении многолетней государственной службы, и он вынужден был опасаться разоблачения из-за сокрытого взыскания. Лишь удачное стечение обстоятельств и особые отношения с начальством в лице братьев Перовских помогли бывшему мичману избежать возможных последствий напрямую выходящего за рамки законов деяния.

Как представляется, фигура умолчания или безусловная апологетика в данном вопросе являются неоправданными и препятствуют установлению исторической истины. Реальные обстоятельства карьеры Даля демонстрируют, что и карьерные траектории, и убеждения литераторов и чиновников Российской империи могли быть и часто оказывались более противоречивыми и сложными, чем их собственные более поздние свидетельства и высказывания полагавшихся на них исследователей.

Библиография / References

[Бессараб 1968] — Бессараб М.Я. Владимир Даль. М.: Московский рабочий, 1968.

(Bessarab M. Ya. Vladimir Dal'. Moscow, 1968.)

[Глазунова 1997] — Глазунова Л.В. Снова тучи надо мною... Страницы жизни В.И. Даля // Кают-компания. Историко-литературный

сборник / Под ред. С.Н. Коржова. СПб.: Ольга, 1997. С. 126—131.

(Glazunova L. V. Snova tuchi nado mnoyu... Stranitsy zhizni V.I. Dallya // Kayut-kompaniya. Istoriko-literaturnyy sbornik / Ed. by S.N. Korzhov. Saint Petersburg, 1997. P. 126—131.)

-
- 71 В собственных версиях событий, рассказанных много лет спустя Мельникову-Печерскому и дочери Екатерине, Даль представлял себя необоснованно пострадавшим от действий «поседелого» адмирала Грейга, влюбившегося в «хорошенькую еврейку Лейку» (Даль Е.В. Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям его дочери). С. 93—94; ср.: [Мельников-Печерский 2002: 15]). Тот же подход прослеживается и в шутовском стихотворении «Дивные похождения, чудные приключения и разные ума явления русского мирянина, немецкого христианина Даля Иваныча», написанном лексикографом к одному из своих юбилеев. В нем история с пасквилом изложена следующим образом: «Как Даль Иваныч на черноморских кораблях служил, / По морю-океану ходил, знал разные снасти / И испытал всякие напасти, питался / Смоленым канатом да последней рубахой / Делился с братом. Его все любили, да / Чуть в помойной яме не утопили. Он / Покинул Черное море и стал зачитывать / свое горе» (РГАЛИ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.).

- [Грачев 2013] — *Грачев М.А.* «Несносно честный Даль». Н. Новгород: Книги, 2013.
- (*Grachev M.A.* “Nesnosno chestny Dal”. Nizhniy Novgorod, 2013.)
- [Золотухин 1989] — *Золотухин А.И.* Начало литературной жизни // «Именованье — город Николаев». Историко-краеведческий выпуск / Сост. Л.Ф. Траспов. Николаев: Дикий сад, 1989. С. 52—75.
- (*Zolotukhin A.I.* Nachalo literaturnoy zhizni // “Imenovat’ — gorod Nikolaev”. Istoriko-kraevedcheskiy vypusk / Comp. by L.F. Traspov. Nikolaev, 1989. P. 52—75.)
- [Золотухин 2005] — *Золотухин А.И.* Неизвестное о Пушкине. Вып. 6. А.С. Пушкин и В.И. Даль. Николаев, 2005.
- (*Zolotukhin A.I.* Neizvestnoe o Pushkine. Vol. 6. A.S. Pushkin i V.I. Dal’. Nikolaev, 2005.)
- [Костинский 2000] — *Костинский Ю.М.* В.И. Даль // Отечественные лексикографы XVIII—XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 84—122.
- (*Kostinskiy Yu.M.* V.I. Dal’ // Otechestvennye leksikografy XVIII—XX veka / Ed. by G.A. Bogatova. Moscow, 2000. P. 84—122.)
- [Крючков 1984] — *Крючков Ю.С.* Алексей Самуилович Грейг, 1775—1845. М.: Наука, 1984.
- (*Kryuchkov Yu.S.* Aleksey Samuilovich Greyg, 1775—1845. Moscow, 1984.)
- [Лернер 1901] — *Лернер Н.О.* Удаление В.И. Даля из Николаева // Русская старина. 1901. Т. 107. № 7. С. 169—170.
- (*Lerner N.O.* Udalenie V.I. Dalya iz Nikolaeva // Russkaya starina. 1901. Vol. 107. No. 7. P. 169—170.)
- [Манойленко, Манойленко 2022] — *Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е.* О социально-политических взглядах В.И. Даля через призму служебной деятельности в Нижнем Новгороде (1849—1859) // Россия: общество, политика, история. 2022. № 3. С. 102—120.
- (*Manoylenko A.S., Manoylenko Yu.E.* O sotsial’no-politicheskikh vzglyadakh V. I. Dalya cherez prizmu sluzhebnoy deyatelnosti v Nizhnem Novgorode (1849—1859) // Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya. 2022. No. 3. P. 102—120.)
- [Матвиевская, Зубова 2002] — *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* Владимир Иванович Даль, 1801—1872. М.: Наука, 2002.
- (*Matviyevskaya G.P., Zubova I.K.* Vladimir Ivanovich Dal’, 1801—1872. Moscow, 2002.)
- [Мельников-Печерский 2002] — *Мельников-Печерский П.И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сб. / Отв. ред. В.П. Нерознак. СПб.: Златоуст, 2002. С. 5—66.
- (*Mel’nikov-Pecherskiy P.I.* Vospominaniya o Vladimire Ivanoviche Dale // V.I. Dal’ i Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti: Sbornik / Ed. by V.P. Neroznak. Saint Petersburg, 2002. P. 5—66.)
- [Модестов 1913] — *Модестов Н.Н.* Владимир Иванович Даль в Оренбурге Оренбург: Тип. Тургайского областного правления, 1913 (= Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXVII).
- (*Modestov N.N.* Vladimir Ivanovich Dal’ v Orenburge. Orenburg, 1913.)
- [Никитин 2021] — *Никитин Е.Н.* Русский иностранец Владимир Даль. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2021.
- (*Nikitin Ye.N.* Russkiy inostranets Vladimir Dal’. Nizhniy Novgorod, 2021.)
- [Никитский 1902] — *Никитский А.В.* Архивная справка о Дале // Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Т. 5. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1902. С. 165—169.
- (*Nikitskiy A.V.* Arkhivnaya spravka o Dale // Sbornik ucheno-literaturnogo obshchestva pri Imperatorskom Yur’evskom universitete. Vol. 5. Yur’ev, 1902. P. 165—169.)
- [Ольховский 2000] — *Ольховский Е.Р.* Владимир Иванович Даль // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 2 / Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 34—52.
- (*Ol’khovskiy Ye.R.* Vladimir Ivanovich Dal’ // Deyateli russkoy nauki XIX—XX vekov. Vol. 2 / Ed. by T.V. Andreeva, M.F. Khartanovich. Saint Petersburg, 2000. P. 34—52.)
- [Порудоминский 1971] — *Порудоминский В.И.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971.
- (*Porudominskiy V.I.* Dal’. Moscow, 1971.)
- [Рейтблат 1998] — Видок Филлярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- (*Vidok Figlyarin: Pis’ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie / Publ., comp., introd. and notes by A.I. Reytblat.* Moscow, 1998.)
- [Русские достопамятные люди 1889] — Русские достопамятные люди в их письмах. Из собрания автографов князя П.А. Путятина // Русская старина. 1889. Т. 61. № 3. С. 577—584.
- (*Russkie dostopamyatnye lyudi v ikh pis’makh. Iz sobraniya avtografov knyazyza P.A. Putyatina // Russkaya starina.* 1889. Vol. 61. No. 3. P. 577—584.)
- [Седов 2000] — *Седов А.В.* Преданный друг А.С. Пушкина. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара, 2000.

- (*Sedov A.V. Predanniy drug A.S. Pushkina. Arzamas, 2000.*)
- [Сенча 2020] — *Сенча В.Н.* Долг — Отечеству, честь — никому... М.: Родина, 2020.
- (*Sencha V.N. Dolg — Otechestvu, chest' — nikomu... Moscow, 2020.*)
- [Христенко 2021] — *Христенко В.Н.* Адмирал А.С. Грейг. Николаев: ФЛП Швец В.М., 2021.
- (*Khristenko V.N. Admiral A.S. Greyg. Nikolaev, 2021.*)
- [Шигин 2013] — *Шигин В.В.* Неизвестная война императора Николая I. М.: Вече, 2013.
- (*Shigin V.V. Neizvestnaya voyna imperatora Nikolaya I. Moscow, 2013.*)
- [Юган 2011] — *Юган Н.Л.* В.И. Даль в общественно-культурной жизни своего времени // В.И. Даль: Биография и творческое наследие. Биобиблиографический указатель / Сост. Н.Л. Юган, К.Г. Тарасов. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 11—188.
- (*Yugan N.L. V.I. Dal' v obshchestvenno-kul'turnoy zhizni svoego vremeni // V.I. Dal': Biografiya i tvorcheskoe nasledie. Biobibliograficheskiy ukazatel' / Comp. by N.L. Yugan, K.G. Tarasov. Moscow, 2011. P. 11—188.*)